Алексей ШИШОВ

БЕЛЫЕ КОМАНДИРЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Алексей Васильевич Шишов

Белые командиры Гражданской войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27831509
Белые командиры гражданской войны: "Вече";
ISBN 9785444487983

Аннотация

Эта книга посвящается полководцам Белого дела и их союзникам. О них написано намного меньше, чем об их противниках-победителях. Хорошо известные в белой эмиграции, они в покинутом ими так или иначе Отечестве рисовались обычно в черных, реже в серых красках. Или просто замалчивались, а ведь их жизни были удивительными примерами любви к России. Автор рассказывает о судьбах 25 белых военачальников, среди них генералы М.В. Алексеев, П.Н. Врангель, А.И. Деникин, А.В. Колчак, Л.Г. Корнилов и др.

Содержание

От автора 5
Алексеев Михаил Васильевич 12
Анненков Борис Владимирович 48
Богаевский Африкан Петрович 74
Конец ознакомительного фрагмента. 78

А. В. Шишов
Белые командиры гражданской войны

* * *

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей. Издается в авторской редакции.

© Шишов А.В., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

От автора

История Гражданской войны в России стала бескомпромиссным столкновением тех, кто с оружием в руках устанавливал советскую власть, и тех, кто пытался отстоять старую Российскую державу. Красные со своими союзниками сражались против белых, которые тоже имели союзников. И те, и другие несли собственную «правду» борьбы, омывая ее в изобилии своей кровью, отдавая собственные жизни на алтарь Отечества завтрашнего дня. «Правда» одних для других была «неправдой».

Эти два «цвета» человеческого самосознания – красный и белый – стали водоразделом в нашем Отечестве тогда, когда оно еще не вышло из тяжелейшей мировой войны, подорвавшей государственные устои 300-летней империи Романовых и ставшей ее голгофой. Военная сила красных и белых зародилась в развалинах петровской Русской императорской армии, которая в начале 1918 года канула в вечность не по доброй воле.

Гражданская война в любой стране и в любую эпоху всегда была, есть и будет национальной трагедией. Примеры нашего времени – Донбасс и Сирия, Ирак и Сомали… Дело даже не в массовой гибели людей, большинство которых не носило военную форму одежды, не ходило в яростные атаки и не сидело в опостылевших окопах. Раны войны с года-

ми залечиваются, вот только историческая память народов и государств постоянно «кровоточит», когда речь заходит о Гражданской войне. Иначе быть не может.

История все еще рассуждает, кто и в чем был прав или виноват. Это бесконечный процесс, на который больше всего влияет самосознание новых поколений, которые хотят понять прошлое собственным разумом. Думается, что такой подход к собственной истории правилен и неизбежен: идет «новое прочтение биографии», в данном случае России. Запрету, как это уже не раз случалось, такое в здравом смысле не подлежит, поскольку «запретный плод всегда сладок», а разобраться в прошлом нам хочется и надо.

Понимание Гражданской войны дается трудно и исследователям, и писателям, и тем, кто любит историю. Равно трудно дается и осознание подлинности того, что было в прошлом в действительности, без расстановки политических акцентов, которые нивелируют все и вся, в том числе и личности участников давно минувших событий.

Когда говорят, что наконец-то в истории где-то поставлена жирная точка, то это самообман. История больше напоминает граненый драгоценный камень, в котором каждая грань не схожа с соседними гранями. И более того, все эти грани, пусть даже исполненные руками самого гениального мастера-ювелира, при преломлении света, не говоря уже о его цвете, играют собственной расцветкой. А она может нам нравиться, может и не нравиться, но без равнодушия к ней.

Познание правды истории, чаще горькой, чем сладкой, важно по одной весомой причине. Общеизвестна простая истина: сразу после гражданской войны судят побежденных, победителей не судят, поскольку они стали судьями. Так было в Древнем Риме, средневековых Англии и Германии, революционной Франции и Соединенных Штатах, Венгрии и Испании…

Так было и в России, Гражданская война в которой «пыхнула» в Октябре 17-го года и формально закончилась в 1922 году, когда с острова Русский под Владивостоком ушел последний корабль с вынужденными изгнанниками, получившими в истории статус белоэмигрантов. Но отголоски Гражданской войны еще долго звучали в нашем Отечестве крестьянскими восстаниями в Сибири и на Тамбовщине, на Кубани и в горах Кавказа, басмачеством в Средней Азии, репрессиями 30-х годов и в памятном 1941-м, когда началась Великая Отечественная война.

Со временем в истории Гражданской войны в России понимается многое. Открывается, порой случайно и нелогично, по крохам, тайное, и оттого меняется, казалось бы, явное. Любые архивы, государственные и частные, могут запросто превратиться в «бомбы», которые в состоянии изменить лицо уже устоявшегося представления о событиях давно минувших дней или личности человека. Сказывают свое веское слово мемуары, которым ранее не было места на наших книжных полках, и иметь их означало опасность. То

есть правда истории рано или, чаще, поздно открывает себя во всей своей красоте и непривлекательности.

Гражданская война родила на свет божий целое созвездие военных вождей, об исторической значимости и порой легендарности которых в той борьбе спорить не приходится. Да и к тому же они разночтимы. Одни исписаны, другие оказались в их тени. В это созвездие входят вожди сил красных и сил белых, и их союзники. Судьба тех и других большей частью трагична. Среди вождей красных, выживших в пламени Гражданской войны, многие ушли из жизни в годы так называемых «сталинских» репрессий. Среди вождей белых, не павших в той войне, тоже есть «не санитарные» потери.

Каждый такой вождь есть признанный при жизни или позже герой Красного дела или Белого дела. Все они творили историю в огне Гражданской войны – Буденный и Корнилов, Тухачевский и Деникин, Егоров и Каледин, Блюхер и Кутепов, Троцкий и Каппель, Каменев и Дроздовский, Махно и Юденич, Фрунзе и Дутов, Сорокин и Шкуро, Шорин и Молчанов, Дыбенко и Колчак, Чапаев и Семенов…

Каждый из них не был рожден военным вождем, которым он мог стать только на кровавом изломе исторической судьбы старой России. Благодаря этому на их долю выпала разночтимая прижизненная слава и последующая известность. То есть именно Гражданская война могла обессмертить их имена, сделать притягательными для осмысления непростых, часто трагических судеб этих людей. Но после нее долгое вре-

мя писалось об одних и забывалось о других.

Данная книга о Гражданской войне в России посвящается «Белой половине» военных вождей – полководцам Белого дела и их союзникам. О них написано, по известным причинам, намного меньше, чем об их противниках-победителях. Хорошо известные в белой эмиграции, они в покинутом ими так или иначе Отечестве рисовались обычно в черных, реже в серых красках. Или просто замалчивались. Но сегодня побежденные и победители могут соперничать между собой в истории и победами, и честью, и интересом к их судьбам. Они все разные, будучи едины в одном – в непримиримой борьбе за светлое будущее России, которое каждый видел по-своему.

Считается, что Гражданская война – это, прежде всего, столкновение классов, сословий, правителей и угнетенных. Тогда, спрашивается, почему сын николаевского солдата из крепостных М. В. Алексеев и сын простого сибирского казака и казашки из кочевого рода Л. Г. Корнилов подняли знамя Белого движения за старую Россию, не будучи ни помещиками, ни буржуа? И как эти два незаурядных человека с самой простой родословной стали в царской России генералами от инфантерии и верховными главнокомандующими России в мировой войне?

Или другой пример: как офицер-окопник капитан В. М. Молчанов, командир инженерной (саперной) роты, стал командующим белоповстанческой армией? И почему

после Гражданской войны в России жизнь «за бугром» в ранге белоэмигрантов «развела» таких военных вождей, как хорошо известные на литературном поприще мемуарист А. И. Деникин и писатель П. Н. Краснов? Наконец, почему прах белых генералов, того же Деникина и В. О. Каппеля, с почестями вернулся спустя многие десятки лет в Отечество, чтобы обрести вечный покой на кладбище московского Донского монастыря?

Все они вышеназванные, а также Анненков и Богаевский, Врангель и Мамантов, Марков и Миллер, Романовский и Слащёв-Крымский историей причислены к лику полководцев Белого дела. На том же уровне причастны к Гражданской войне в России их естественные союзники в лице Гайды, Маннергейма и Пилсудского. У каждого из них в той войне есть собственная «ниша», потому они и остались в отечественной истории на века вечные, пока интерес к ней не иссякнет. Но в такое приходится верить или не верить, как «время на душу положит».

История безликой и «заказной» долгое время быть не может. Она живет в образах и делах тех людей, которые ее творили с разной долей успеха и сбывшихся надежд. История, как ее ни крути и ни испепеляй, всегда судьбоносна, всегда живет для нас в конкретных личностях. А уж нынешнему поколению читателей, любителей летописания Отечества судить об их значимости и привлекательности. Им рядить, кто из них, полководцев Белого дела, был прав в своей борьбе,

а кто неправ.

Алексей Шишов,

военный историк и писатель, лауреат Международной литературной премии по истории имени Валентина Пикуля и Всероссийской историко-литературной премии имени Александра Невского

Алексеев Михаил Васильевич Сын солдата-сверхсрочника, ставшего у истоков Гражданской войны

Будущий Верховный главнокомандующий России в Первой мировой войне генерал от инфантерии М. В. Алексеев родился в 1857 году в Тверской губернии в семье николаевского солдата сверхсрочной службы, впоследствии дослужившегося до чина майора. Его отец, участник героической обороны Севастополя в Крымской войне, благодаря своим незаурядным способностям выслужился из фельдфебелей в офицеры.

Сама судьба уготовила Михаилу Алексееву путь на военное поприще. Не закончив полного курса обучения в классической гимназии, в 1873 году в 16 лет он поступает вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк. Положение вольноопределяющегося позволило ему поступить в Московское пехотное юнкерское училище, которое закончил в 1876 году. 19-летний прапорщик выпустился в 64-й пехотный Казанский полк.

Боевое крещение получил в составе этого полка в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 годов за освобожде-

ние православной, славянской Болгарии от векового османского ига. С казанцами в составе отряда «белого генерала» Н. Д. Скобелева участвовал в боях под Плевной. Некоторое время состоял при нем ординарцем. Под турецкой Плевенской крепостью был ранен, но остался в армейском строю.

За боевые отличия обер-офицер М. В. Алексеев награждается тремя боевыми орденами, в том числе Святым Станиславом и Святой Анной, за храбрость. Его послужной список военного времени стал лучшей рекомендацией в ходе дальнейшего прохождения службы.

В 1890 году Алексеев успешно оканчивает Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, получив Милютинскую премию. Был назначен на недолгое время старшим адъютантом в штаб 1-го армейского корпуса, располагавшегося в столичном Санкт-Петербурге. Затем с 1894 по 1900 год следует служба в Главном штабе делопроизводителем в канцелярии его Военно-ученого комитета, занимавшегося составлением планов войны и стратегического развертывания.

Работа полковника М. В. Алексеева в Главном штабе с 1898 года сочетается с плодотворной деятельностью экстраординарного профессора в Академии Генерального штаба на кафедре истории русского военного искусства. С 1900 по 1903 год Алексеев – начальник Оперативного отделения генерал-квартирмейстерской части Главного штаба и в то же время ординарный профессор Николаевской академии Гене-

рального штаба.

В 1904 году удостаивается звания заслуженного профессора и 28 мая за отличия по службе производится в генерал-майоры. Становится начальником отдела Главного штаба.

С началом Русско-японской войны 1904–1905 годов профессор Академии Генерального штаба М. В. Алексеев (в октябре) назначается генерал-квартирмейстером 3-й Маньчжурской армии. Участвовал в Мукденском сражении, разработал ряд операций против японцев. На полях Маньчжурии приобрел большой опыт вождения войск, организации совместных действий пехоты, кавалерии и артиллерии, ведения армейской разведки.

За боевые отличия в Японской войне награждается почетным золотым оружием и двумя боевыми орденами. Тактическое мышление Михаила Васильевича Алексеева заслуживало самой высокой похвалы. Имел он и задатки стратега. Иначе говоря, он имел хорошие перспективы на военном поприще.

После расформирования 3-й Маньчжурской армии, с 1905 по 1908 год следует служба в должности обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Возглавлял разработки планов будущей европейской войны, которой суждено было стать войной мировой и голгофой Российской империи.

В 1908 году он назначается начальником штаба Киевского

военного округа с производством 30 октября в генерал-лейтенанты. С 1912 года – командир 13-го армейского корпуса. Продолжал активно работать над составлением планов войны: в скором военном конфликте на европейском континенте сомневаться уже не приходилось, хотя политики на словах «оружием никому не грозили».

К началу мировой войны М. В. Алексеев прошел хорошую школу командования войсками на самых высоких должностях в мирное время, не считая участия в двух больших войнах, против Турции и Японии. Служба в Главном управлении Генерального штаба выявила в нем склонность к оперативной, штабной работе. Уже тогда он демонстрировал стратегическое мышление, став авторитетным человеком в среде русского генералитета.

В годы Первой мировой войны Михаил Васильевич Алексеев сформировался как полководец-стратег. В августе 1914 года командир армейского корпуса назначается начальником штаба армий Юго-Западного фронта, в сентябре того же года сын николаевского солдата-сверхсрочника производится в полные генералы, то есть в генералы от инфантерии.

На этой штабной должности проявил большие способности в разработке фронтовых наступательных операций. Уже в первые месяцы войны армии Австро-Венгрии, главного союзника Германии, потерпели тяжелые поражения в масштабной Галицийской битве. Начальник фронтового штаба имел к ним самое прямое отношение.

Бывший генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Ю. Н. Данилов в своих мемуарах писал, что «руководящая роль в исполнении операции на Юго-Западном фронте принадлежала начальнику штаба этого фронта, генералу Алексееву».

В сентябре 1914 года за боевые заслуги М. В. Алексеев высочайшим приказом награждается орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Награждение состоялось 24-го числа, после взятия русскими войсками города Львова, столицы австрийской Галиции. Так Михаил Васильевич стал георгиевским кавалером. Думается, что это было его мечтой, как военного человека.

В марте 1915 года, в связи с ожидавшимся германским наступлением, генерал от инфантерии М. В. Алексеев становится главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. После разделения этого фронта в августе того же года на два – Северный и Западный, Алексеев возглавил Западный фронт.

После поражения русских войск в Галиции руководил чрезвычайно трудным отходом армий Западного фронта через Польшу и Литву под напором противника. При этом войска фронта испытывали сильный недостаток артиллерийских снарядов – во время так называемого «снарядного голода». Стал одним из главных действующих начальствующих лиц в проведении «спрямления» Восточного фронта, в ходе которого Германии и Австро-Венгрии так и не удалось

извлечь все стратегические выгоды «польского мешка» для русских войск.

В кампании 1915 года Берлин главный удар по Антанте спланировал на Восточном (Русском) фронте. Именно Алексеев благодаря своему стратегическому мышлению не позволил завершиться ни одному запланированному кайзеровскими стратегами Людендорфом и Гинденбургом окружению. Ни одна русская армия, ни одна дивизия не попали летом 1915 года во вражеский плен.

На посту главнокомандующего армиями Западного фронта М. В. Алексеев разработал и провел ряд успешных операций против германских и австро-венгерских войск. В июле – августе 1915 года русские армии в ходе Праснышских операций сорвали настойчивые попытки германских войск окружить и уничтожить русские армии в Польше. Но по стратегическим соображениям им пришлось оттуда уйти: речь шла о спрямлении линии фронта.

В августе 1915 года генерал от инфантерии, генерал-адъютант М. В. Алексеев высочайшим указом назначается начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего России, размещавшейся в городе Могилеве. С поста главковерха смещается великий князь Николай Николаевич-младший, действиями которого самодержец был все больше и больше недоволен. Его обязанности император Николай II возложил на себя. Так в истории России появился на самом высоком посту в ходе мировой войны венценосец полковник

гвардии Николай Романов. Это был воинский чин государя. До этого он числился в лейб-гвардии Преображенском полку.

К чести всероссийского императора Николая II, он редко вмешивался категорическим образом в ход событий на Русском фронте. Фактически верховное командование сосредоточилось в руках Михаила Васильевича Алексеева, который по долгу службы и положения стал главным стратегом России. Это сразу почувствовали на себе союзники по Антанте: Алексеев был крайне несговорчив и при планировании военных кампаний исходил прежде всего из интересов своего Отечества и русской армии.

В конце 1915 года под руководством начальника штаба Ставки генерала от инфантерии М. В. Алексеева был разработан стратегический план действий русской армии совместно с армиями союзников против стран Центрального блока. Начавшееся в марте 1916 года наступление армий Северного фронта не дало ожидаемых результатов, но боевые действия в районе города Двинска и озера Нарочь оказали громадное влияние на ход войны во Франции. Германия была вынуждена перебросить крупные силы из-под Вердена на Восточный фронт, и французская армия в очередной раз получила спасительную помощь от России.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего разработал план наступления Юго-Западного и Северного фронтов в военной кампании 1917 года, однако осуществить

его не удалось. В ходе Февральской революции император Николай II был низложен. Одним из инициаторов и организаторов низложения царствующего Романова был начальник штаба его могилевской Ставки, все чаще задумывавшегося о том, что Российской державе грозят серьезные внутриполитические потрясения.

К власти в воюющем государстве, раздираемом внутренними противоречиями, пришло Временное правительство. 1 апреля 1917 года генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев назначается Верховным главнокомандующим России, что свидетельствовало о его известности и авторитетности.

Став во главе вооруженных сил уже бывшей старой России, М. В. Алексеев сразу же выступил за разумные активные боевые действия против Германии и Австро-Венгрии. Он был против неоправданных потерь на фронтах. Это вызвало недовольство новой «временной» власти, и прежде всего Советов рабочих и солдатских депутатов.

Уже в мае того же 17-го года генерал от инфантерии М. В. Алексеев смещается со своего поста. Новым главой могилевской Ставки Временным правительством был назначен генерал от кавалерии А. А. Брусилов, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, самый прославленный полководец России в Первой мировой войне.

Вскоре он возвращается в Ставку, но на самый короткий срок. После ареста генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова

и его явных сторонников Алексеев, вступивший в должность начальника штаба могилевской Ставки, доложил по телефону в Петроград Керенскому об успешном завершении своей «карательной» миссии:

«…Войска, находящиеся в Могилеве, верны Временному правительству и подчиняются безусловно главковерху…

Генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, полковник Плющевский-Плющик арестованы. Приняты меры путем моего личного разъяснения Совету солдатских депутатов установления полного спокойствия и порядка в Могилеве; послан приказ полковнику Короткову не двигать войска его далее станции Лотва, так как надобности в этом никакой нет…

С глубоким сожалением вижу, что мои опасения, что мы окончательно попали в настоящее время в цепкие лапы Советов, являются неоспоримым фактом…»

Однако Алексеев прекрасно понимал, что именно Л. Г. Корнилов и его единомышленники были теми людьми, которые видели надвигающуюся на Россию и ее армию, на Русский фронт Великой войны подлинную катастрофу. Думается, что уже тогда Алексеев предвидел если не гибель старой России, то вооруженную борьбу за ее спасение. О попавших в заключение корниловцах он не забывал.

В декабре 1917 года находившийся в Могилеве генерал-майор М. К. Дитерихс получил из Новочеркасска от генерала Алексеева письмо, отправленное с доверенным чело-

веком. Бывший Верховный главнокомандующий писал своему соратнику по Юго-Восточному фронту и сослуживцу по штабу Ставки:

«…Дело спасения государства должно где-либо зародиться и развиться. Само собой ничего не произойдет…

Только энергичная, честная работа всех, сохранивших совесть и способность работать, может дать результаты…

Слабых мест у нас много, а средств мало, давайте группировать средства главным образом на юго-восток, проявим всю энергию, стойкость…

Откуда-то должно идти спасение от окончательной гибели, политической и экономической. Юго-восток имеет данные дать источники такого спасения. Но его нужно поддержать, спасти самого от потрясения. Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжиданием…»

Алексеев надеялся, что это послание обязательно попадет к «быховским узникам», судьба которых его сильно тревожила. Дитерихс, будущий военный министр у адмирала А. В. Колчака, действительно сумел передать алексеевское послание генералу Корнилову и другим арестованным.

В дни следствия над участниками корниловского «мятежа» генерал от инфантерии М. В. Алексеев оставил свой пост начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего. Он пробыл в этой должности всего неделю. Сам он обосновал свое решение (интервью с ним было опубликовано в газете «Речь» от 13 сентября 1917 года) об отставке тре-

мя причинами.

Первая причина состояла в выступлении генерала Корнилова. На страницах «Речи» это прозвучало так:

«…Его дело, как народно-идейное, требует широкого политического освещения, а его хотят судить военно-революционным судом, который состоит из трех случайных офицеров и трех случайных солдат, людей без юридических знаний и без широкого общественного горизонта…

Со всем этим моя совесть согласиться не может. Я не могу спокойно видеть это и ухожу».

Вторая причина, сказал М. В. Алексеев, состояла в развале армии. По его мнению, именно генерал Корнилов предлагал действенные меры для спасения положения, но они правительственной властью приняты не были. Более того, их автор оказался под судом.

Третья причина отставки крылась в невозможности начальника штаба Ставки помочь своим фронтовым братьям-офицерам. Алексеев назвал их в газетном интервью мучениками, погибающими под пулями и пыткой собственных солдат.

Верховный главнокомандующий «новой» России А. А. Керенский принял отставку генерала-стратега. Тот был назначен «в распоряжение Временного правительства, дабы опыт в военных делах и его знания могли быть использованы и впредь на благо Родины». Официальное сообщение об отставке было опубликовано в «Вестнике Временного прави-

тельства» 9 сентября 1917 года.

Бывший Верховный главнокомандующий России, дважды бывший начальник штаба Ставки генерал от инфантерии, сын николаевского солдата-сверхсрочника М. В. Алексеев стал одним из зачинателей Белого движения. То есть его военным вождем в вооруженной борьбе за старую Россию, но не монархию Романовых.

В Петрограде после отставки главный стратег России в Первой мировой войне «остался не у дел». В городе на Неве он создал тайную, преимущественно офицерскую организацию, которая в истории Гражданской войны, в ее прологе получила название Алексеевской военной организации. Датой ее основания считается день 20 октября 1917 года. Квартира Алексеева не раз являлась местом тайных заседаний.

Сведения о деятельности Алексеевской военной организации весьма скудны даже в мемуарах белогвардейцев, поскольку никакая документация в подпольной организации по известным причинам не велась. Многочисленной она не была, имела тайные отделения в Москве и ряде других городов. Да и к тому же существовала, как таковая, недолго.

После Октябрьской революции 1917 года Алексеев под чужим именем выехал из Петрограда на Юг России, в столицу Донского казачьего войска город Новочеркасск. Оставаться ему в красном Питере стало опасно. Перед отъездом он отдал приказание членам созданной им военной организации любыми путями пробираться на свободный от боль-

шевиков Тихий Дон, к атаману А. М. Каледину в казачью столицу.

Прибыв в Новочеркасск 2 декабря, генерал Алексеев обосновался в двухэтажном кирпичном доме № 39 на Барочной улице – в бывшем военном госпитале. Там имелись кровати, запасы постельного белья, общая кухня. Этот дом стал для Добровольческой армии «знаковым»: именно здесь стал формироваться первый отряд белых волонтеров.

В самом начале своего пребывания на Дону М. В. Алексеев определился в новой стратегии Белого движения. Составляется план ближайших действий. Поднимая военное знамя Белого дела, Михаил Васильевич ясно понимал, что все придется начинать, как говорится, «с азов». Создавая первые ячейки белого добровольчества, он сознательно делал ставку на фронтовое офицерство, которое, не приняв развал русской армии, не могло принять и власть Советов.

Зная, что российский Юг становится прибежищем большого числа офицеров-корниловцев, по разным причинам оставившим свои части и фронты, М. В. Алексеев пишет статью для новочеркасской газеты «Вольный Дон». С ее страниц бывший Верховный главнокомандующий России обращается к армейскому офицерству со страстным призывом «спасения Родины»:

«Русская государственность будет создаваться здесь. Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под небывалым шквалом, постепенно будут прибиваться к здо-

ровому государственному ядру юго-востока…»

Тех, кто тогда рвался на вольный Дон, в истории Гражданской войны в России назовут «первопоходниками». Судьба этих людей, за редким исключением, оказалась трагичной. О них историк белой эмиграции А. А. Керсновский скажет такие слова:

«…Кроме виновников русская революция знала еще и героев. В Содоме не нашлось и трех праведников. В России семнадцатого года их были тысячи.

Этими праведниками всероссийского Содома были офицеры русской армии и увлеченная ими русская учащаяся молодежь. Только они вышли из огневого испытания не истлевшими, прошли через кровь не запятнанными и через грязь не замаранными.

Петровская армия отошла в вечность. И с последним ее дыханием забилось сердце Добровольческой армии. Русская армия продолжала жить…»

С помощью донского войскового атамана генералу Алексееву удалось получить помещение для белых воинских формирований. Так у добровольцев в Новочеркасске по адресу: улица Барочная, дом № 2 (на углу с Платовским проспектом), появилось помещение, сразу же превращенное в «замаскированное» офицерское общежитие № 1 на 250 человек.

Этот дом и стал колыбелью белой Добровольческой армии. Штаб генерала от инфантерии М. В. Алексеева разме-

щался на той же Барочной улице, в доме № 56. Штаб поражал своей немногочисленностью, организаторской же работы было более чем достаточно.

Первое добровольческое воинское формирование было создано уже 4 ноября, на третий день после приезда генерала от инфантерии Алексеева в столицу донского казачества. Это была Сводно-офицерская рота, в которой числились и юнкера. Ротой командовал убежденный монархист штабс-капитан Василий Парфенов, служивший ранее в лейб-гвардии Измайловском полку.

На фронт Первой мировой войны пошел добровольцем, заслужив воинской доблестью первый офицерский чин. Фронтовые рекомендации у добровольца команды конных разведчиков смотрелись выше всяких похвал: он был награжден солдатскими Георгиевскими крестами всех четырех степеней. Погиб полковник Парфенов летом 1920 года в Крыму, будучи командиром пехотного полка врангелевской Русской армии.

К середине ноября в Новочеркасске уже находилось 180 человек белых добровольцев. Большинство из них называли себя «корниловцами». С этого времени запись в Алексеевскую военную организацию на Дону велась уже официально, без «сокрытия». Люди добирались сюда, как правило, поездами, которые шли через Донскую область

Добровольцы прибывали в Новочеркасск ежедневно. Во второй половине ноября алексеевцы (треть их составляли

офицеры) имели уже три воинских формирования. Помимо Сводно-офицерской роты, были созданы Юнкерский батальон (сперва это была отдельная рота) и Сводная Михайловско-Константиновская батарея, основу которой составили юнкера двух петроградских артиллерийских училищ – Михайловского и Константиновского.

Батарея насчитывала в своем составе до 250 человек и вооружена только трехлинейными винтовками, пока еще не имея ни одного орудия. 60 юнкеров были михайловцами, остальные – константиновцами. Сводной батареей стал командовать штабс-капитан Николай Шаколи, курсовой командир Михайловского артиллерийского училища, последовавший на Дон за своими воспитанниками и подтвердивший свою запись в Алексеевскую военную организацию делом.

Образовавшись, Сводная Михайловско-Константиновская батарея разместилась в здании Платовской гимназии. А Юнкерская рота, отдавшая ей взвод артиллеристов, уже через несколько дней снова выросла до 150 человек и была развернута в трехротный Юнкерский батальон. Две ее роты были юнкерские, а третья называлась Кадетской.

Начала формироваться Георгиевская рота (в середине ноября в ней числилось до 60 человек фронтовиков, преимущественно нижних чинов – георгиевских кавалеров). На войне обладатели Георгиевских крестов виделись золотым фондом любых полков и батарей. Все они являлись опытными окопниками.

Одновременно шла запись в белую студенческую дружину. Она пополнялась ростовской и новочеркасской учащейся молодежью. Основу дружины, которая в скором времени превратится в Студенческий батальон, составили 180 человек Ростовского среднего коммерческого училища – три его старших класса.

Подавляющее большинство добровольцев прибывало на Дон без оружия. Поэтому вопрос о вооружении их встал сразу. Только часть офицеров-добровольцев имела личное оружие. Атаман А. М. Каледин заверил генерала Алексеева, обратившегося к нему с просьбой помочь вооружить членов его военной организации, в том, что Донское правительство и он лично такую помощь белым волонтерам окажут без проволочек.

Атаман войска Донского сдержал свое слово. Он помогал добровольцам, своим потенциальным союзникам в отстаивании вольного Дона от большевиков, «самым широким способом». Вот всего лишь две справки о том, как вооружались в Новочеркасске первые прибывшие туда алексеевцы:

«8 ноября из арсенала было получено для общежития № 1 24 винтовки, по 30 патронов на каждую, в общежитии же насчитывалось к этому дню 41 человек».

«10 ноября через артиллерийское управление было проведено разрешение атамана на выдачу организации 274 винтовок, по 120 патронов на каждую, а также 18 револьверов (в револьверах была острая нужда и в частях войска Донского),

каковые и были получены».

Но это было еще не все. В эти же дни атаман А. М. Каледин обещал передать алексеевской организации половину пулеметов, которые были отобраны у гарнизона Хутунка (там стояли запасные пехотные полки) при его разоружении. Но, несмотря на бдительный надзор, хутынским большевикам удалось скрытно увезти пулеметы еще до начала разоружения в близкий Ростов. Там пулеметы были надежно спрятаны для того, чтобы «заговорить» в первых боях на Дону.

После разоружения калединскими казаками гарнизона Хутунка в середине ноября винтовки и патроны доставлялись алексеевцам подводами и автомобилями в количестве, далеко превышающем потребности наличного состава. Это делалось по прямому распоряжению атамана Каледина. Поэтому к началу первых боев с красноармейскими отрядами добровольцы оказались хорошо вооружены винтовками, но с ограниченным числом патронов. После разоружения запасных пехотных полков в Хутунке у белых волонтеров появились первые ручные гранаты.

Оружие добывалось и другими путями. Так, в первых числах ноября военным комендантом станции Шахтная поручиком Федоровым по собственной инициативе было роздано проезжающим на Дон под знамена генерала Алексеева офицерам-корниловцам 120 винтовок и около двух с половиной тысяч патронов.

Атаман войска Донского А. М. Каледин продолжал во-

оружать нарождающуюся белую Добровольческую армию до последних своих дней. 17 ноября в распоряжение особой команды добровольцев был передан броневой автомобильный дивизион, имевший несколько двухпулеметных и однопушечных броневиков. Однако материальная часть их оказалась сильно изношенной, и бронемашины часто выходили из строя.

К 18 ноября весь личный на тот день состав формируемой Добровольческой армии – около 800 бойцов – был вооружен. Винтовок-трехлинеек хватало и для формирующейся белой студенческой дружины, и на прибывающих каждодневно добровольцев. Обучать владению оружием приходилось немногих, разве что кадет и студентов.

Следует заметить, что войска Красной Армии, посылаемые против белого Дона с конца 1917 года, были вооружены намного лучше добровольцев и казаков-калединцев. Прежде всего, такое превосходство выражалось в количестве артиллерии и пулеметов, бронепоездов и аэропланов, автомобилей, обеспеченности боеприпасами.

…Прибывшие на Дон белогардейцы столкнулись с немалыми трудностями. Все вновь прибывшие в Новочеркасск подписывали особые заявления о своем желании служить добровольцами в течение ближайших четырех месяцев. Денежного оклада первое время не полагалось. Все армейское содержание ограничивалось лишь пайком, о скудности которого говорить не полагалось.

Затем добровольцам стали выплачивать в качестве жалованья (по тому времени действительно «нищенского») небольшие денежные суммы ассигнациями в размере от 100 до 270 рублей офицерам, от 30 до 150 рублей нижним чинам. Кроме того, тем добровольцам, которые привезли с собой семьи, начислялась небольшая, часто символическая надбавка.

Один из ближайших помощников Алексеева в те «новочеркасские дни», Л. В. Половцев, написавший в эмиграции воспоминания о Гражданской войне в России – «Рыцари тернового венца», так рассказывает о первых днях зарождения белой Добровольческой армии:

«Ближайшими сотрудниками ген. Алексеева были в то время: его адъютант рот. Шапрон, начальник штаба полк. Веденяпин, подп. Лисовой и кап. Шатилов; начальник строевой части, бежавший из быховской тюрьмы ген. граф И. Г. Эрдели; начальник хозяйственной части – член Госдумы Л. В. Половцев (автор воспоминаний. – *А.Ш.*), по политическим вопросам – член Госдумы Н. Н. Львов, С. С. Щетинин и А. А. Ладыженский.

В Ростове и Таганроге работал председатель общества заводчиков и фабрикантов В. А. Лебедев.

Для сбора добровольцев с фронта в Киеве была создана особая организация, во главе которой стоял ген. – кав. А. М. Драгомиров и член Госдумы В. В. Шульгин.

На первый призыв ген. Алексеева отозвалось около 50

офицеров и юнкеров, бежавших в Новочеркасск из Петрограда и Москвы после октябрьских стычек с большевиками. Из них были составлены кадры первых воинских частей: офицерского и юнкерского батальонов.

Прибывали добровольцы и из соседних областей – ободранные, без белья, без сапог, в каких-то опорках. Их надо было разместить, одеть, обуть и кормить, а денег было мало.

Получив самые широкие обещания денег со стороны различных общественных организаций в Москве и Петрограде, ген. Алексеев приступил к выполнению своего плана, имея в кармане 10 000 руб., занятых им у частного лица. На эти деньги и жили несколько дней кадры будущей армии.

Постепенно стали поступать в кассу местные пожертвования, но в ничтожных размерах. Наконец, наступил момент, когда стало ясно, что завтра надо бросить все дело, потому что денег больше нет.

Помочь делу решили сами добровольцы. Наиболее состоятельные из них, не имея сами наличных денег, воспользовались своими кредитоспособными именами и выдали векселя. По учете векселей, при содействии Н. Н. Львова, в местных банках получилась сумма около 350 000 руб., которые и спасли дело на некоторое время.

Одному Богу известно, какие мучительные часы переживали Алексеев и его сотрудники в это время.

Поставив на карту все – и доброе имя, и жизнь, и все свое прошлое, – увидев полную возможность осуществления сво-

ей мечты о великом деле, ген. Алексеев мог оказаться в самом ужасном положении.

Ведь от великого до смешного один только шаг. А разве не смешно было бы для бывшего Верховного главнокомандующего собрать армию в 50 человек и затем распустить ее.

Но ген. Алексеева эта мысль не пугала. Он хлопотал, просил, умолял, и хотя с величайшими затруднениями, но армия создавалась и увеличивалась…»

О том же писал и боевой соратник Корнилова по Первой мировой войне «быховский узник» генерал-лейтенант А. И. Деникин в своих «Очерках русской смуты»:

«Было трогательно видеть, как бывший верховный главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей…»

С конца 17-го года в Новочеркасск по призыву М. В. Алексеева стекались все, кто был готов с оружием в руках поддержать Белое дело. Это были контрреволюционно настроенные фронтовые офицеры, юнкера военных училищ и школ прапорщиков, студенты и гимназисты старших классов, солдаты из ударных частей. Прибыли первые «быховские узники» – генералы Деникин, Лукомский, Марков, Романовский… Добровольческая армия становилась реаль-

ной военной силой на Юге России.

Из Новочеркасска Алексеев не раз пытался наладить отношения с Кубанью, с ее казачеством. Туда он инкогнито совершил две деловые поездки. В 20-х числах ноября побывал в Екатеринодаре на заседании правительства Юго-Восточного союза. Но поездка оказалась малопродуктивной. Кубанская казачья старшина тогда больше думала об автономии области от России, чем о судьбе государства.

Тогда Алексеев направил из Новочеркасска на российские окраины (Кубань и Северный Кавказ) несколько доверенных лиц. Так, в начале января 1918 года в район Кавказских Минеральных Вод, где скопилось большое число офицеров, отправился полковник Я. А. Слащёв, недавний командир гвардейского Московского полка. Он был достаточно авторитетной фигурой для обращения к фронтовому офицерству: за войну был пять раз ранен и дважды контужен, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием «За храбрость».

Посланцы М. В. Алексеева, пока не «встал» сплошной линией Донской фронт, регулярно пробирались по железной дороге в Москву и Петроград. Генерал Алексеев стремился создать там сильное антибольшевистское подполье, на которое можно было бы опереться в грядущих боях. Особые надежды возлагались на деятельность подпольного Национального центра, общее руководство которым осуществлял Н. Н. Щепкин. Поддерживалась связь и с могилевской Став-

кой, вернее с тем, что от нее еще оставалось.

Военной организацией Национального центра руководил хорошо знакомый Алексееву генерал-лейтенант Генерального штаба Н. Н. Стогов. Георгиевский кавалер, командующий Юго-Западным фронтом в январе 1918 года прибыл в Москву и поступил там в Красную армию как военный специалист. Военспец Стогов с мая по август того года был начальником Всероссийского главного штаба. И одновременно с полковником В. В. Ступиным возглавлял… подпольную Добровольческую армию Московского района.

Еще до прибытия в Новочеркасск генерала Л. Г. Корнилова Алексеев сумел связаться со своими единомышленниками и в далекой от Дона Сибири. Официальным посланцем Добровольческой армии в Белой Сибири стал генерал В. Е. Флуг. В начале 1918 года он тайно пробрался на российский восток и в июне того года вошел в состав «Делового кабинета» генерала Хорвата во Владивостоке.

Стогов, Слащёв и Флуг были самыми именитыми представителями «зачинателя Белого дела» на местах. Десятки и десятки офицеров и людей далеко не военных профессий по заданию командования Добровольческой армии совершали тайные поездки по ту сторону фронтов Гражданской войны. Все они имели одну задачу: организацию Белого движения.

Белые волонтеры не мыслили себя вне воинской организации. Добровольцы во время «постоя» в Новочеркасске (а потом в Ростове) жили по воинским уставам старой русской

армии. Обязательным было воинское обучение, несение караулов и дневальной службы. Генерал М. В. Алексеев взыскательно следил за тем, чтобы такой ритм жизни, пока еще отчасти мирной, первых добровольческих частей не менялся.

Созданная в Новочеркасске, в столице донского казачества из первых белых добровольцев Алексеевская офицерская организация стала ядром Добровольческой армии. Информация о белой армии, формируемой на Юге, расходилась по России. Противная сторона не замедлила дать ей классовую «окраску» и увидеть в ней «классового врага».

В вышедших в 1925 году в Ленинграде «Очерках истории Гражданской войны» (их автором был преподаватель Военно-политической академии имени тов. Толмачева РККА и РККФ Ан. Анишев) добровольческие воинские формирования назывались «типичными отрядами черной гвардии». О начале вооруженного противостояния на Юге России говорилось следующее:

«Активной действующей силой не местного значения в вооруженной борьбе на Дону и Кубани были буржуазно-помещичья гвардия, с одной стороны, и рабочая Красная гвардия – с другой. Все остальное как с той, так и с другой стороны было только обстановкой, в которой эта борьба протекала…

Задача пролетарских отрядов Красной гвардии была… распространение влияния пролетарских центров на окраи-

ны».

Время торопило и белых, и красных. События на российском Юге, где зачиналась Гражданская война, стали стремительно развиваться и часто спонтанно. Прапорщик Н. В. Крыленко, ставший «на час» Верховным главнокомандующим Советской России, направлял на границы Дона красногвардейские отряды с карательными задачами.

С каждым пассажирским поездом, прибывавшим на местный вокзал, число добровольцев в Новочеркасске увеличивалось. Большой радостью для генерала Алексеева стало то, что из Могилева прибыл, а вернее сказать – пробился Георгиевский батальон, полностью солдатский, сохранивший свои кадры.

Он был сформирован из раненых фронтовиков – георгиевских кавалеров, которые проходили после выздоровления тщательный отбор. По замыслу императора Николая II, такому батальону предстояло стать элитной частью сражающейся русской армии, поскольку каждый его боец являлся действительно доблестным воином. Причем многие солдаты являлись обладателями полного банта «Егориев» – крестов всех четырех степеней. Отдельный батальон на фронте намечался для использования как штурмовая часть, но судьба его сложилась так, что он стал нести охрану могилевской Ставки.

Все до единого опытные фронтовики, бойцы Георгиевского батальона отличались «примерной» бодростью духа, пехотной выучкой и дисциплинированностью. Это были под-

линные рядовые герои мировой войны. Они стали первыми нижними чинами русской армии (не считая разве небольшого числа ударников), которые в Новочеркасске пополнили ряды создававшейся белой Добровольческой армии.

Горя желанием с оружием в руках защищать Россию, добровольцы тем не менее находились, скажем прямо, в угнетенном состоянии. Им казалось, что не только солдатская масса, но и большая часть России выступает против Белого движения. Но это мнение серьезно изменилось, когда в начале декабря 1917 года стали известны результаты выборов в Учредительное собрание. ЦК партии большевиков и Совнарком не решились отменить выборы, назначенные еще Временным правительством.

В большинстве избирательных округов выборы состоялись во второй половине ноября. Партия большевиков в итоге набрала 24 процента голосов, победив в ряде крупных промышленных центров и воинских гарнизонах. Правые партии, ведущей из которых являлась конституционно-демократическая (кадетская) партия, набрали только 17 процентов. Партия социалистов-революционеров (эсеров), меньшевиков и других демократов получили 59 процентов. В ходе выборов в Учредительное собрание партия эсеров получила подавляющее число голосов избирателей – более 40 процентов. Но к тому времени в их рядах уже не было единства; социалисты-революционеры с их «крестьянской» программой раскололись на ряд течений: левых, правых, макси-

малистов, интернационалистов и прочих.

Как бы потом ни толковали итоги выборов в Учредительное собрание в конце 1917 года, было ясно, что партия большевиков не набрала и четверти голосов, и потому она могла управлять государством только во временном союзе с партией левых эсеров. Совет народных комиссаров постановил открыть Учредительное собрание 5 января 1918 года.

В день открытия Учредительного собрания в Петрограде состоялась массовая манифестация под лозунгом: «Вся власть Учредительному собранию!» Собравшись на Марсовом поле, демонстранты двинулись к Таврическому дворцу. Однако путь им преградили отряды большевистского Чрезвычайного штаба, созданного «для защиты власти Советов от всех покушений контрреволюционных сил». По манифестантам был открыт огонь.

По некоторым данным, в день открытия Учредительного собрания в Петрограде было убито от 8 до 20 демонстрантов, ранено более 200 человек. В ходе Гражданской войны это был первый случай, когда по приказу советской власти стреляли в народ. При этом человеческих жертв оказалось больше, чем при штурме Зимнего дворца.

Учредительное собрание все же провело свое первое заседание. После того как оно 237 голосами против 146 голосов отказалось обсуждать «Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа», предложенную большевистским ВЦИК, судьба нового российского парламента была реше-

на. Этот отказ стал для Учредительного собрания, которое правомочно считало себя верховной властью в стране, равносильным «смертному приговору».

Большевики и левые эсеры покинули зал заседания Учредительного собрания. Когда началось обсуждение проекта о земле, к трибуне подошел начальник охраны Таврического дворца, балтийский матрос анархист Анатолий Железняков, который произнес свою историческую фразу:

– Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал.

С разгоном законно избранного Учредительного собрания вся полнота государственной власти фактически оказалась в руках ленинского Совнаркома. Под руководством Л. Д. Троцкого начинает действовать Революционный Военный совет (РВС). В экстренном порядке идет формирование Красной Армии, главный враг которой находился на российском Юге. Отменяются солдатские комитеты, устанавливается единоначалие командиров, подотчетных комиссарам. Вводится строжайшая революционная дисциплина, смертная казнь на фронте через расстрел становится нормой военного времени…

В ночь на 26 ноября в соседних с Новочеркасском городах Ростове и Таганроге вспыхнули вооруженные восстания, подготовленные местными большевиками-подпольщиками. Но удержать Ростов и Таганрог в своих руках военно-рево-

люционные комитеты смогли только несколько дней. Восстания были подавлены калединскими казаками и добровольцами. Первая кровь пролилась на железнодорожной станции Нахичевань.

Генералу Алексееву было чем встревожиться. Пять дней ожесточенных боев за Ростов обернулись для добровольцев при их малочисленности потерями почти в 150 человек. Список потерь со смертельным исходом насчитывал до 40 человек.

Отпевание убитых при штурме Ростова юнкеров состоялось в новочеркасском войсковом соборе. Среди убитых оказались и молодые донцы из Новочеркасского казачьего училища. Поэтому на похоронах народу было много. Бывший Верховный главнокомандующий России генерал от инфантерии М. В. Алексеев произнес, как писали потом очевидцы, «исключительно сильную» речь. Обращаясь к лежащим в гробах добровольцам, он сказал:

– Орлята! Где были ваши орлы, когда вы умирали…

Военный госпиталь Новочеркасска – «Больница общества донских врачей» был переполнен ранеными добровольцами. За их жизни боролись медсестры, среди которых были дочери М. В. Алексеева – Клавдия и Вера, дочь генерала Л. Г. Корнилова – Наталья. Один из тяжелораненых, юнкер Виктор Ларионов, писал в своих эмигрантских мемуарах о том, как госпиталь посетил генерал Алексеев:

«Старый Верховный главнокомандующий российской ар-

мии производил огромное впечатление умом, своим обращением, дружеской непринужденностью…»

Во второй половине ноября положение на Дону осложнилось и ухудшилось. Тысячи дезертиров со всех фронтов ехали домой через Область войска Донского. На каждой железнодорожной станции они грабили обывателей, добывая себе пропитание. Железнодорожное начальство дезертиры под угрозой оружия принуждали отправлять первыми именно их поезда, не считаясь с установленным расписанием. Также они захватывали вагоны, паровозы и паровозные бригады.

Установившийся порядок жизни на тихом Дону рушился. У войскового правительства сил для наведения порядка на железных дорогах не находилось. Такой ситуацией воспользовались большевистские Советы, настраивавшие массу самовольно покидавших окопы фронтовиков против «контрреволюционного» Дона и казачества в целом.

Атаман Каледин обратился за помощью к генералу Алексееву. Тот распорядился выделить в распоряжение Донского правительства необходимое число добровольцев для несения патрульной службы на железнодорожных станциях. Причем под контроль брались не только станции Дона, но и ближайшие к его границе узловые станции. Патрулями командовали казачьи офицеры.

На станциях Дебальцево и Иловайская произошли первые столкновения с толпами вооруженных дезертиров, среди которых было много пьяных людей. После этого порядок на

железнодорожных станциях все чаще стал наводиться силой оружия, а не угрозой его применения. В таких столкновениях гибли белые волонтеры – офицеры и юнкера. Калединские казаки в ответ стали создавать белые партизанские отряды, которые совершали налеты на станции окраин Донецкого угольного бассейна, где скапливались эшелоны с фронта.

6 декабря в Новочеркасск прибыл переодетый в простого мужика, беженца из Румынии, ожидаемый всеми генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов, еще один Верховный главнокомандующий России в мировой войне. Для добровольцев, в своем большинстве «корниловцев», приезд «народного героя» стал настоящим событием.

После прибытия Корнилова стало ясно, что между ним и Алексеевым существуют противоречия. По своему характеру они мало подходили друг другу. Тот и другой, имея за плечами опыт Верховного главнокомандования в Первой мировой войне, были готовы возглавить Белое движение. Закрытые совещания генералов и оказавшихся в Новочеркасске общественных деятелей из столиц, думских политиков (атаман А. М. Каледин на них не присутствовал) только обостряли эту проблему.

На совещаниях решался основной вопрос существования, управления и единства Алексеевской военной организации. По существу, весь вопрос сводился к определению роли и взаимоотношений двух полководцев – Алексеева и Корни-

лова. «Хрупкий еще организм» Алексеевской организации не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) белая Добровольческая армия раскололась бы, во втором (уход Корнилова) – она бы развалилась.

Требовалось создания на российском Юге такого органа, который взял бы на себя правительственные обязанности. Такая форма «верховной власти» нашлась в виде «триумвирата» Донского гражданского совета: Алексеев – Корнилов – Каледин. На первого из них возлагалось гражданское управление, внешние сношения и финансы. На второго – власть военного. На третьего – управление Донской областью. Триумвират просуществовал всего месяц, до трагической смерти донского атамана.

Так первым командующим белой Добровольческой армии стал бывший Верховный главнокомандующий России генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов. Его соратник Михаил Васильевич Алексеев, поступившись собственным самолюбием для пользы дела, не стал оспаривать у своего популярного единомышленника высшую власть над армией, им же созданной.

Алексеев, будучи уже больным, в возрасте человеком, участвовал в тяжелом для белых добровольцев 1-м Кубанском («Ледяном») походе. Перед этим он написал родным письмо, в котором читаются такие строки:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть

одна светлая точка посреди охватившей Россию тьмы…»

После гибели своего соратника генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова во время неудачного штурма Екатеринодара Алексеев подписал приказ о назначении новым командующим Добровольческой армией генерал-лейтенанта А. И. Деникина. Деникин вспоминал в мемуарах о том, как подписывался этот приказ:

«…От чьего имени отдавать приказ, как официально определить положение Алексеева? Романовский разрешил вопрос просто:

– Подпишите „генерал от инфантерии“… и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев».

Алексеев возглавил Особое совещание, выполнявшее функции правительства белого Юга России. На этом посту он много сделал для налаживания мирной жизни в освобожденных от красных южных областях, в организации пополнения белой армии и ее снабжения. Но к тому времени силы уже оставляли его.

Командование же Добровольческой армией всецело перешло к бывшему командующему фронтом А. И. Деникину, боевому соратнику погибшего Корнилова. С новым командующим и единомышленником Михаил Васильевич тесно сотрудничал до последних дней своей жизни. Деникин писал в мемуарах:

«Генерал Алексеев сохранил за собой общее политическое руководство, внешние сношения и финансы, я – верхов-

ное управление армией и командование. За все время нашего совместного руководства этот порядок не только не нарушался фактически, но между нами не было ни разу разговора о пределах компетенции нашей власти».

Перенапряжение духовных и физических сил в последние годы сказалось на состоянии здоровья зачинателя Белого движения. Один из самых известных полководцев и стратегов Первой мировой войны, генерал от инфантерии М. В. Алексеев, умер от воспаления легких 25 сентября 1918 года в Екатеринодаре и был со всеми воинскими почестями торжественно похоронен в усыпальнице Екатеринодарского Войскового собора. В тот же день генерал-лейтенант А. И. Деникин отдал приказ по Добровольческой армии, в котором писалось следующее:

«Сегодня окончил свою – полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь Генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни он принес в жертву служения Отчизне…

И решимость Добровольческой армии продолжать его жертвенный путь до конца – пусть будет дорогим венком на свежую могилу собирателя Русской Земли».

В начале 1920 года, во время отступления Вооруженных сил Юга России, вдова генерала, Анна Николаевна, настояла перед белым командованием на том, чтобы прах ее мужа был перевезен в Сербию (Королевство сербов, хорватов

и словенцев).

Ныне на Новом кладбище в столице страны Белграде стоит скромный памятник генералу от инфантерии М. В. Алексееву, Верховному главнокомандующему России в Первой мировой войне и зачинателю Белого движения. Надгробие украшает православный крест с одним только словом «Михаил».

Анненков Борис Владимирович Обладатель знамени Ермака, не удержавший Семиречья

В истории Гражданской войны в России признано считать атамана Анненкова одной из самых кровавых фигур. Действительно, в тех событиях, в которых участвовал этот человек, человеческая жизнь значила немного, и репрессивные меры, в данном случае со стороны белых – колчаковцев, впечатляют воображение.

Анненков родился на Киевщине в семье отставного полковника, мелкого помещика (имение в 70 гектаров земли на Волыни) и потомственного дворянина Новгородской губернии. Матерью будущего белого атамана была цыганка, что и заметно отразилось на его внешности. Один из его предков, Иван Анненков, поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка, известен как декабрист.

В 17 лет окончил Одесский кадетский корпус, еще через два года (в 1908-м) – московское Александровское военное училище (по 1-му разряду), готовившее пехотных офицеров.

Молодой офицер, однако, пожелал служить в казачьих войсках, и его настойчивая просьба была начальством удовлетворена. Служба началась в «именном» 1-м Сибирском казачьем полку Ермака Тимофеева. Вскоре он становит-

ся командиром сотни, познав все невзгоды действительной службы в знойном Туркестане. В полку он стал одним из лучших наездников.

За «примерную» службу в Семиречье сотник был награжден своим первым орденом – Святого Станислава 3-й степени. Другие ордена он получит за боевые заслуги на Русском фронте Первой мировой войны.

1-м Сибирским казачьим полком в те годы командовал полковник П. Н. Краснов, будущий генерал и командующий белоказачьей Донской армией. Он в таких словах вспоминал об Анненкове, будучи в эмиграции:

«…Это был во всех отношениях выдающийся офицер.

Человек, богато одаренный Богом, смелый, решительный, умный, выносливый, всегда бодрый. Сам отличный наездник, спортсмен, великолепный стрелок, гимнаст, фехтовальщик и рубака – он умел свои знания полностью передать и своим подчиненным-казакам, умел увлечь их за собою.

Когда сотник Анненков временно… командовал 1-й сотней, сотня эта была и первой в полку. Когда потом он принял полковую учебную команду, команда эта стала на недосягаемую высоту.

Чтобы быть ближе к казакам, Анненков жил в казарме команды, отгородившись от казаков полотном. Он шел далеко впереди моих требований, угадывал их с налета, развивал мои мысли и доводил их до желаемого мною совершенства…

Он часто садился под поваленное дерево, имея на руках

своего Фокса, и казаки сотни прыгали на лошадях через своего сотенного командира. Не было ничего рискованного, на что он не вызвался бы. Чистота одежды, опрятность казаков, их воспитание и развитие – все это было доведено у него в сотне, а потом в команде, до совершенства.

Как мне было не любить и не ценить такого офицера? Он никогда не „дулся“ на замечания, всегда был весел и в хорошем расположении духа…»

Там, в Сибири, карьера Анненкова едва не оборвалась самым неожиданным образом. Во время прохождения лагерных сборов под Кокчетавом он встал на сторону рядовых казаков, «взбунтовавшихся» против рукоприкладства начальника лагеря Бородихина. По просьбе нижних чинов сотенному командиру из второочередного 4-го Сибирского казачьего полка пришлось взять на себя командование тремя полками, бывшими на сборах.

Высокое начальство тот конфликт рассудило по-своему, поскольку дело закончилось убийством начальника лагеря. 80 казаков, в том числе офицер-дворянин Борис Анненков, были преданы военно-полевому суду. Его приговор к осужденным был суров.

Сотенного командира приговорили к одному году и 4 месяцам заключения в крепости (войсковой атаман заменил заключение в крепость содержанием на гауптвахте) с ограничением в правах, но без исключения с воинской службы. На суде он отказался назвать зачинщиков «бунта», хотя сумел

удержать свою сотню от участия в беспорядках.

Начавшаяся Первая мировая война изменила решение суда: вместо крепости офицера отправляют на Германский фронт в составе 4-го Сибирского казачьего полка. Воевать пришлось в Белоруссии, в 1914 году – на Северо-Западном фронте. Получил шесть боевых наград, был ранен, произведен в чин подъесаула.

Во время жестоких боев в районе Пинских болот полк понес тяжелые потери в людях, но сотник Борис Анненков с остатками полка сумел пробиться в Гродно. Следует производство в есаулы.

В это время в казачьих и кавалерийских дивизиях начинают формироваться конные партизанские отряды для совершения рейдов и диверсий во вражеских тылах, ведения разведки. Анненков добивается назначения в подобный отряд, формируемый в Сибирской казачьей дивизии, вскоре став (в 1915 году) его командиром. Назначение тогда проводилось путем избрания наиболее авторитетного командира старшими офицерами партизанского отряда (Отряда особого назначения), состоявшего из более сотни казаков-добровольцев.

Партизанский отряд сибирских казаков отличался сплоченностью и боевитостью. Он отличился при проведении ряда операций в тылу врага, совершая диверсионные рейды через линию фронта. Анненков, произведенный в чин есаула, демонстрировал смелость и умение командовать людьми. За боевые заслуги (отличие в боях под городом Сувалки) 11

сентября 1917 года высочайшим приказом награждается почетным Георгиевским оружием. В том же году производится в войсковые старшины.

В декабре того же года Анненков во главе своего отряда прибывает на расформирование в Омск, столицу Сибирского казачьего войска. Там он отказался подчиниться приказу Совета казачьих депутатов о разоружении конно-партизанского отряда (перед этим его пытались разоружить в Орше и Пензе). Так начался его конфликт с советской властью. В результате командира партизан объявили вне закона.

Войсковой старшина уходит в подполье. В январе 1918 года он возглавляет созданную в Омске казачью организацию тринадцати. В том же месяце несколько таких небольших контрреволюционных групп, в том числе и анненковская (в нее входило уже 24 казака), на нелегальном собрании решили начать вооруженную борьбу против новой власти. Участники собрания покидают Омск и оседают в близлежащих от города казачьих станицах, в которых было неспокойно. Анненковцы укрылись близ станицы Шараповской.

В марте месяце нелегально созванный войсковой круг сибирского казачества, встававшего на сторону Белого движения, проведенный в станице Атаманской под Омском, избрал Б. В. Анненкова войсковым атаманом.

Выступление белых началось 19 марта 1918 года. Отряд Бориса Анненкова из станицы Захламинской, расположенной в шести верстах от Омска, совершил дерзкий налет на

Омский казачий собор, захватив хранившиеся в нем «знамя Ермака» и знамя, врученное сибирскому казачеству в честь 300-летия дома Романовых. Стоя на санях со знаменем Ермака в руках, Анненков промчался по льду Иртыша. Он сумел уйти вместе с другими участникам налета от посланной за ним погони, уведя своих казаков в Кокчетавские степи.

«Знамя Ермака» было святыней сибирского казачества. Оно относилось к числу «простых» знамен. На одной стороне его было изображение Святого Михаила, на другой – Святого Дмитрия. Ранее эта войсковая регалия принадлежала Тобольскому казачьему пешему батальону.

Вскоре войсковой атаман вышел из Кокчетавских степей, обосновавшись недалеко, в 21 версте от Омска, в станице Мельничной. К весне 1918 года анненковский отряд вырос до 200 человек, взявшихся за оружие против Советов. Вскоре отряд, состоявший на тот период почти исключительно из хорошо организованных и дисциплинированных казаков, стал совершать налеты, занимаясь прежде всего добыванием оружия и боевых припасов. Вооружения белые казаки в самый короткий срок захватили достаточно много.

Отряд (атаман называл его теперь дивизией) состоял из двух Отдельных бригад – конной и стрелковой (300 сабель и 300 штыков). Вместе с Анненковым действовал отряд полковника Волкова численностью около 500 штыков и сабель.

Анненковцы захватили было город Омск, но силы оказались в схватке за него с красными не из равных. Белым при-

шлось уйти, но недалеко, из Омска, который на короткое время вновь оказался в руках большевиков.

Но ситуация в Сибири, на линии Транссиба, складывалась уже не в их пользу. По железнодорожной магистрали, растянувшись на многие тысячи верст на восток, в портовый город Владивосток тянулись эшелоны с частями Чехословацкого корпуса, ставшего в еще неоконченной Первой мировой войне частью французской армии.

Весной 1918 года отряд войскового старшины Бориса Анненкова уже представлял собой значительную силу антибольшевистского подполья в Сибири. Когда начался мятеж Чехословацкого корпуса, анненковцы активно поддержали белочехов. К тому времени численность белоказачьего отряда уже доходила до тысячи человек.

Анненков признал омское Временное Сибирское правительство. Белоказачий отряд (Партизанская дивизия) включается в состав 3-го Уральского армейского корпуса Сибирской армии. Он принимает в сентябре – октябре 1918 года участие в боях с красногвардейскими частями В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина.

После взятия города Троицка Анненков сформировал отряд в составе четырех полков, артиллерийского дивизиона и несколько вспомогательных подразделений. По решению казачьего круга производится в полковники. На Уральском фронте анненковцы пробыли до октября 1918 года.

По приказу военного министра омского правительства ге-

нерала П. П. Иванова-Ринова анненковские части, снятые с фронта, приняли участие в подавлении крестьянского восстания на Алтае, в степном Славгородском уезде. Сводный карательный отряд состоял из двух стрелковых рот, двух казачьих сотен, эскадрона черных гусар и артиллерийской батареи. Всего: 497 штыков, около 200 шашек, 5 орудий, 8 пулеметов.

15 сентября дивизия Анненкова заняла Славгород, в котором каратели учинили массовые экзекуции противников власти, расстреливая местных большевиков и повстанцев. Всего в ходе подавления Славгородского восстания было убито 1667 человек. В уезде белые реквизировали почти две тысячи винтовок и призвано в армию 11 тысяч человек. Многие из них пополнили анненковские части и «вплоть до краха колчаковщины служили вполне исправно».

После подавления Славгородского восстания отряд получает имя атамана Анненкова. Его состав: 1230 штыков, 750 шашек, 12 орудий и 16 пулеметов. Отряд направляется в город Семипалатинск на переформирование и получение солидного пополнения. Анненков руководит созданием шести полков и нескольких артиллерийских батарей. Эти силы белых предназначались для Семиреченского фронта, для действий на юго-востоке современного Казахстана.

Семипалатинское станичное общество избрало Бориса Анненкова, офицера-неказака, почетным казаком своей станицы. Но это было всего лишь наименование, так как каза-

чьи сословные права и обязанности на почетных казаков не распространялись.

Уже будучи в Семипалатинске, Борис Анненков перестал выполнять многие приказания, которые поступали к нему из Омска. Он был вызван туда Временным Сибирским правительством, но там отказался подчинить свои силы командиру 2-го Степного Сибирского корпуса, который действовал против красных в Семиречье. Возник кофликт белоказачьего атамана с омской властью.

Вернувшись в Семипалатинск, полковник Анненков, захватив с собой около полутысячи новобранцев, двинулся в Семиреченскую область. 23 октября 1918 года анненковский отряд разворачивается в Партизанскую атамана Анненкова дивизию. Началась подготовка к новому наступлению белых на Семиреченском фронте.

Партизанская дивизия прибыла в Семиреченскую область (юго-восточная часть современного Казахстана) тогда, когда атаман Семиреченского казачьего войска Генерального штаба генерал-майор А. М. Ионов находился в отъезде, будучи вызван в Омск для доклада. Борис Анненков смещает его с этой должности, самочинно объявив себя атаманом семиреченского казачества.

Но при этом он никак не объясняет, снимает ли он с себя присвоенное ему звание атамана сибирского казачества. Формально для истории он оказался в годы Гражданской войны в России атаманом двух казачьих войск. Случай во

всех отношениях уникальный.

После прихода к власти адмирала А. В. Колчака Анненков проявил себя «автономистом» по отношению к Верховному правителю России. Атаман считал Колчака «слепым исполнителем воли союзников». Но это не помешало Анненкову после омского переворота 18 ноября 1918 года отправить Верховному правителю России телеграмму следующего содержания:

«Омск.

Верховному Правителю адмиралу Колчаку.

Ваше Высокопревосходительство!

Ваше назначение Верховным Правителем, в руках которого сосредотачивается вся полнота государственной власти, дало мне с первого же момента глубокую уверенность в том, что, наконец, настал тот час, когда наша измученная, истерзанная внутренними и внешними врагами Родина снова подымится и пойдет по пути возрождения и станет такой же великой, какой и была.

Я как атаман партизан, добровольно собравшихся отдать жизнь свою в любой час за нашу Родину, приветствую Ваше назначение и заверяю своим словом Атамана, что все мои силы и помыслы будут направлены к тому, чтобы Вы уверенно и твердо могли бы опереться на нас, и (мы) готовы в каждую минуту, по первому Вашему приказу, исполнить наш святой долг перед Отчизной.

С нами Бог.

Атаман Анненков».

Собственно говоря, неповиновение «автономиста» Анненкова выразилось, в частности, в его отказе принять присвоенное ему 25 ноября 1918 года, как командиру дивизии, звание генерал-майора. Но вскоре это желанное решение омского правителя все же было «востребовано».

В том случае монархист по политическим убеждениям Борис Анненков телеграфной строкой заявил военному министру омского правительства Иванову-Ринову:

«…Я бы хотел получить генеральский чин из рук Государя Императора».

6 января 1919 года адмирал А. В. Колчак своим приказом объявил Семиречье театром военных действий. Анненкову было приказано в составе сил 2-го Степного Сибирского корпуса освободить ту часть юго-востока Казахстана, которая находилась в руках красных. Речь шла о ликвидации «Черкасской обороны» – сопротивление белым 13 русских сел Лепсинского и Копальского уездов. Силы повстанцев состояли из 3–4 тысяч штыков, 1,5 тысячи сабель, 3 орудий и 5 пулеметов. Протяженность фронта составляла около 100 верст.

Анненков 20 января предпринял наступление на взятые в кольцо села, но оно успеха не имело. Его Партизанская дивизия имела в своем составе 1800 штыков, 1770 сабель. Только к июню 1919 года белое командование смогла начать развернутое наступление на Семиреченском фронте, захватывая с

боем одно село за другим. К августу территория Черкасской обороны была сокращена до трех красных сел (Черкасское, Петропавловское и Антоновское).

В занятых населенных пунктах атаман Б. В. Анненков действовал и убеждением, и принуждением. Только после 16-месячных боев Семиреченская группа колчаковских войск смогла ликвидировать Черкасскую оборону, взяв последние повстанческие села. На сторону белых добровольно перешли вместе со своими командирами три роты красноармейцев, часть из них затем сражалась в рядах анненковской Партизанской дивизии.

«Замирив» Семиречье, атаман Борис Анненков попытался было увеличить численность Семиреченского казачьего войска. В его приказе от 20 декабря 1918 года по этому поводу говорилось следующее:

«Семиреченское казачество призывает все крестьянское население старожильческих русских поселков области, ближайших к казачьим районам, и тех новоселов, кому противна коммуна, а дорога Россия, влиться в казачество со своими землями…»

За ликвидацию большевистского сопротивления в Семиречье Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак в 1919 году наградил генерал-майора Анненкова орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Этот чисто военный орден старой России был сохранен Верховным правителем России адмиралом Колчаком.

С самого начала формирования Партизанской дивизии Борис Анненков стремился насадить в ней железную дисциплину. Известны его приказы о запрещении в отряде пьянства, о предании употребляющих спиртное военно-полевому суду. Наркоманов атаман расстреливал, а продававших опиум и кокаин вешал.

Анненковцы обращались друг к другу, в том числе и к своему атаману, со словом «брат». У атамана был и другой способ «единения белых партизан» из своего ближайшего окружения:

«Каждый доброволец давал торжественное обещание служить верой и правдой атаману, никогда его не покидать, ни при каких условиях.

Внешним выражением преданности добровольцев были эмблемы анненковского отряда, которые выжигались на теле в виде причудливой татуировки. На груди крест, под крестом череп и две скрещенные кости и затем змеи, извиваясь и обтекая тело в различных направления и причудливейших формах, – были символом верности атаману и братства отрядников.

Эта же самая эмблема – череп и две скрещенные кости (Адамова голова. – *А.Ш.*) – носились солдатами всего отряда вместо кокард на фуражках…»

…Перелом на Восточном фронте в 1919 году в пользу Красной Армии сказался и на удаленном от него Семиречье. Командир 2-го Степного Сибирского корпуса генерал-майор

И. С. Ефтин приказал Анненкову перебросить часть своих войск под Семипалатинск для защиты города от наступающих красных. Однако атаман отказался выполнить этот приказ.

Однако затем Анненков согласился исполнить такой приказ при непременном условии передачи ему в корпусе (в который входила его Партизанская дивизия) всей полноты власти. 26 ноября Ефтин своим приказом передал все руководство 2-м Степным Сибирским корпусом атаману Б. В. Анненкову.

2-й Степной Сибирский (Отдельный Степной) корпус на это время состоял из следующих войск:

– Партизанской генерала Анненкова дивизии в составе двух своих бригад: Стрелковой (1-й Оренбургский, 1-й Партизанский, 2-й Усть-Каменогорский и 1-й Киргизский партизанский полки) и Конной (полк черных гусар и лейб-Атаманский конвойный полк).

– 5-й Сибирской стрелковой дивизии генерала В. П. Гулидова в составе четырех Сибирских стрелковых полков.

– Отдельной Семиреченской казачьей бригады генерала Ф. Г. Ярушина.

Однако выправить дела под Семипалатинском было уже поздно: в ночь на 1 декабря 1919 года в городе началось восстание ряда корпусных частей, и вскоре в Семипалатинск вошла Красная Армия. Белые, отказавшись от борьбы за город, отошли южнее.

Стремясь удержать ситуацию в своих руках, атаман Б. В. Анненков объявил о введении в районе Семипалатинск – Копал военной диктатуры. Он подписывает один из многих своих карательных приказов, в котором говорилось:

«…Приказываю:

Замеченных в распространении провокационных и панических слухов, агитирующих в пользу большевизма – немедленно расстреливать на месте преступления.

Право приводить в исполнение расстрел таких негодяев даю каждому офицеру и добровольцу, как сознательно жертвующих своими жизнями на благо Родины.

Борьба с такими предателями должна вестись беспощадно, так как они хуже большевиков, ибо находятся среди нас и действуют подло среди нас.

Подлинный (приказ) подписал командующий Армией атаман Анненков».

Колчаковские войска отступали повсеместно. Остатки 2-го Степного Сибирского корпуса в конце 1919 года пополнились отступавшими из районов Атбасара, Акмолинска и Каркалинска поредевшими частями отдельной Оренбургской армии атамана А. И. Дутова. Эти белые войска были разгромлены Красной Армией в боях под Верхнеуральском и в районе Орск – Актюбинск. Они прибыли в Семиречье, совершив «Голодный поход» через Голодную степь Туркестана. Среди оренбуржцев в те дни свирепствовала эпидемия сыпного, брюшного и возвратного тифа.

Командир отдельного 4-го корпуса Оренбургской армии генерал-лейтенант А. С. Бакич, черногорец по происхождению, в одном из писем говорил:

«…Способ командования и порядки в партизанских частях Атамана Анненкова, где не соблюдались основные требования военной службы, отрицались законность и порядок, допускались невероятные бесчинства и грабежи, как по отношению к мирному населению деревень и станиц, а равно и по отношению к чинам моего отряда, вследствие болезни не могущих постоять за себя, вызвало озлобление против партизан Генерала Анненкова со стороны чинов моего Отряда.

Памятуя, однако, общую цель – борьбу с большевиками, пришлось со многим мириться и принять совместное участие в боях по тракту Сергиополь – Урджарская…»

В самом конце года на основе разрозненных белых сил Анненков, взяв за основу свой корпус и дутовцев, создает Отдельную Семиреченскую армию. На начало февраля 1920 года в ее состав входили:

– Оренбургский отряд атамана Дутова (1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии, Сызранская егерская бригада);

– Партизанская атамана Анненкова дивизия, пополненная Степной стрелковой и Киргизской (казахской) конной бригадами;

– Отдельная Семиреченская казачья бригада.

29 февраля 1920 года красное командование предложило атаману Анненкову добровольно сложить оружие, но тот

принял решение продолжать военные действия. Тогда советская делегация, прибывшая для ведения переговоров, 2 марта предъявила белому генералу ультиматум, который требовалось выполнить в течение 18 часов. Анненков попытался было продлить срок ультиматума до 24 часов, но противная сторона ему в том отказала.

Части советского Туркестанского фронта перешли в наступление. К концу марта 1920 года они заняли основные населенные пункты Семиреченской области. Стало ясно, что белым в восточной части Казахстана, в приграничье с Китаем, не удержаться ввиду превосходства сил красных. К тому же они не имели ни запасов оружия, ни боеприпасов.

Атаман Анненков принимает решение уйти до лучших времен в сопредельный Китай, в Синьцзян. Туда уходили и остатки колчаковских войск, отрезанных наступающей Красной Армией от Транссибирской железнодорожной магистрали. 27 марта 1920 года анненковский отряд расположился лагерем близ китайской границы на перевале через Алатау.

Перед этим Анненков совершил злодейство, оправдания которому просто нет. Он по дороге между Уч-Аралом и Глинковкой «разрешил» тем, кто не пожелал покидать Отечество, вернуться домой, но с условием сдачи оружия. Таких людей набралось 1500–2000. За атаманом изъявили желание следовать в Китай 4200 человек.

После такого «братского расставания» безоружные воз-

вращенцы по пути к границе были порублены шашками и расстреляны из пулеметов. После этой карательной операции красные насчитали в урочище Ан-Агач около 900 трупов, за озером Ала-Куль – еще 600…

10 мая Анненков со своими войсками перешел границу и сдался китайским властям, которые оказались сильно обеспокоенными появлением на их территории многочисленных вооруженных людей. Сперва белый отряд расположился лагерем на реке Боротол севернее города Кульджи. Власти Синьцзяна потребовали разоружения отряда, то есть его интернирования.

Такое требование было вызвано следующим обстоятельством. Китайские власти стали сомневаться в целесообразности наращивания белогвардейских войск на своей территории на границе с советским Туркестаном. К тому же белые военные жили в Синьцзяне по своим законам.

Частичная сдача оружия китайским властям состоялась у селения Джимпань Илийского округа провинции Синьцзян. За сданное вооружение, в том числе пушки и пулеметы, китайцы обещали кормить интернированных белых: выдавать на день на человека 800 граммов муки и полтора килограмма дров для приготовления пищи. Лошади отобраны не были.

Аннеков не выполнил полностью этого требования и перевел отряд от Кульджи к городу Урумчи, чтобы затем перейти к Кобдо (западная часть Внутренней Монголии), и оттуда развернуть боевые действия против советской власти на

Алтае, где имелись значительные, еще окончательно не разгромленные антибольшевистские силы.

Атаман стал для китайских властей неуправляемой фигурой. Он сумел под угрозой применения оружия получить от них денежные средства на содержание отряда и из Урумчи выступил к крепости Гучен. Белые взяли ее после небольшого боя с местным гарнизоном.

Войска местного губернатора попытались выбить белых из крепости Гучен, но безуспешно. Начались переговоры, и атаман согласился сдать большую часть оружия на условиях устройства и материального обеспечения чинов его отряда. По условиям переговоров после сдачи оружия анненковцы отправлялись в Пекин с перспективой оказаться для продолжения участия в Гражданской войне в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Действительно, белый отряд эшелонами был, за небольшим исключением, весь отправлен из Синьцзяна на восток, в район Пекина. Когда атаман лишился почти всех своих сил, он был в марте 1921 года арестован со своим штабом китайцами в крепости Гучен и препровожден в тюрьму города Урумчи. Китайцы «не без корысти» стали добиваться от Анненкова передачи им ценностей, которые белые вывезли из России.

Белый генерал был освобожден из урумчийской тюрьмы только после неоднократных обращений к властям Китая начальника штаба Партизанской дивизии полковника Н. А. Де-

нисова, а также посланников стран Антанты (прежде всего Англии и Японии) в Китае. Арестанта атамана выпустили из тюрьмы только в феврале 1924 года. На радостях Борис Анненков произвел своего начальника штаба самоличным приказом в генерал-майоры.

Анненков и сам добивался своего освобождения из китайской тюрьмы, в которой пробыл почти три года. Он писал прошения разным адресатам, в том числе и к японскому посланнику в Китае?

«…Я кадровый офицер бывшего Императорского Российского правительства и участник войны с Германией. Восемь раз был ранен и имею все русские офицерские награды (?), а также французский крест Почетного легиона и английскую медаль королевы Виктории „За храбрость“…

Оставшись верным заветам своей борьбы с большевизмом, я был интернирован в Синьцзянской провинции…

Убедительно прошу Вас, представителя великой Японской Империи, дружественной по духу моему прошлому Императорскому правительству, верноподданным коего я себя считаю до настоящего времени, возбудить ходатайство о моем освобождении из Синьцзянской тюрьмы и пропустить на Дальний Восток.

Честью русского офицера, которая мне так дорога, я обязуюсь компенсировать великой Японии свою благодарность за мое освобождение…»

По всей видимости, в миросозерцании Бориса Анненко-

ва в годы тюремного заключения произошли некоторые изменения. Получив долгожданную свободу, он решил полностью отойти от участия в эмигрантском движении, и уехать в Канаду, где проживало достаточно много выходцев из России. Однако необходимых денежных средств для получения визы Анненков так и не нашел.

С первых дней после освобождения решительный в действиях атаман стал получать многочисленные настойчивые предложения включиться в деятельность военной белой эмиграции. Ему предлагалось возглавить монархические организации и воинские отряды, сохранившие свою организованность и настроенные на радикальные действия.

Первоначально Б. В. Анненков всячески уклонялся от таких предложений, но в конце концов согласился сформировать из белогвардейцев воинский отряд, который должен был войти в состав китайских войск маршала Фэн Юйсяна. Но тот считался у белых сторонником красных. Однако повоевать под знаменами Фэн Юйсяна семиреченскому казачьему атаману-белоэмигранту так и не пришлось.

Маршал Фэн Юйсян считался не только в Китае сторонником Советской России. И поэтому данные о том, что он пытался склонить на ее сторону авторитетного белоказачьего атамана, не беспочвенны. Вероятнее всего такое и было в действительности. Историк В. В. Клавинг писал следующее:

«…При встречах с Анненковым Фын Юй Сян пытался склонить атамана к открытому (либо тайному) сотрудниче-

ству с Россией. Но Анненков не давал определенных надежд китайскому компрадору по этому вопросу.

(Для уточнения отношения советских властей к Фын Юй Сяну достаточно напомнить, что он погиб вместе со своей дочерью в круизном рейсе при пожаре пассажирского судна „Победа“ на Черном море в 1957 году!)».

Последующие события вокруг Анненкова больше напоминали детективную историю, в которой и по сей день расставлены не все точки. 10 апреля 1926 года неожиданно для всех атаман со своими ближайшими соратниками был «отправлен» китайскими властями через территорию Монголии в Советскую Россию.

Как гром с ясного неба для белой эмиграции явилась статья в газете «Новая Шанхайская жизнь» от 26 апреля 1926 года. Она опубликовала обращение белоказачьего атамана в ЦИК СССР «с искренней и чистосердечной просьбой о прощении» и помиловании если не его самого, то менее виновных чинов его Партизанской дивизии.

Но это было еще не все. Колчаковский казачий генерал выступил с обращением к своим бывшим соратникам с предложением прекратить всякую вооруженную борьбу с «большевистской властью». Эти два обращения, якобы вышедшие из-под пера Бориса Анненкова, вызвали бурю негодования в рядах белой эмиграции и возмущенные публикации на страницах белоэмигрантской прессы.

Однако скоро многое в деле атамана Бориса Анненкова

стало проясняться. Обстоятельства отправки его китайскими властями в Страну Советов оставались неясными. Появились две версии того, как Анненков оказался в СССР, каждая из которых имела под собой известную основу.

Так, «Шанхайская заря» в номере от 25 апреля 1926 года писала, что атаман был арестован китайским военным командованием (не властями Синьцзяна) по распоряжению (требованию) советского военного руководства. Причиной этого якобы был отказ атамана Анненкова перейти на сторону большевиков.

Но более реальной версией, которая спустя многие десятилетия получила веские подтверждения, являлась вторая. Согласной этой версии, белый генерал стал «добычей» специальной операции, проведенной ОГПУ на китайской территории. Анненков вместе со своим начальником штаба полковником Денисовым был захвачен в гостинице «Калган» оперативной группой чекистов – «агентами НКВД».

За белоказачьим атаманом Анненковым заинтересованно «наблюдали» с осени 1924 года. Резидент ОГПУ в Китае в сентябре того года доносил в Москву следующее:

«Анненков – быстрого и хорошего ума, громадной личной храбрости, остроумный, жестокий и ловкий…

Хорошо владеет английским, немецким, французским, китайским, кроме этого, говорит на мусульманских (среднеазиатских) наречиях, сочиняет стихи, пишет мемуары о Гражданской войне и о своем участии в белом движении…

Имеет средства и хорошо себя держит – это тип лихого казака…»

Операцией руководил старший Военный советник маршала Фын Юйсяна «господин Лин», он же «лейтенант Генри А. Ален» – известный советский военачальник В. М. Примаков, репрессированный в 30-х годах. Непосредственными исполнителями руководил опытный разведчик С. П. Лихарин. Считается, что они действовали с негласного одобрения «сильного человека» в Китае, каким являлся маршал Фын Юйсян.

Захваченных силой оружия известных белогвардейских лидеров тайно вывезли из Китая на территорию Советского Союза, в Москву. Следствия и допросы длились более двух лет.

В июле 1927 года в городе Семипалатинске состоялся открытый судебный процесс над привезенным сюда белым атаманом и начальником его штаба. По приговору Военной коллегии (выездной сессии) Верховного суда СССР под председательством Мелнгалва 12 августа 1927 года бывший атаман Семиреченского казачьего войска генерал-майор Б. В. Анненков «за зверства во время Гражданской войны» был 24 августа расстрелян в Семипалатинске. Вместе с ним был расстрелян начальник его штаба генерал-майор Н. А. Денисов.

Имя Анненкова носила не одна Партизанская дивизия колчаковских войск. Из бывших войск Отдельной Семиреченской армии, отступивших из Казахстана в китайский

Туркестан и там интернированных (разоруженных), был сформирован Анненковский конный дивизион (в действительности он был пешим, 287 штыков) под командой полковника П. Д. Илларьева.

В апреле 1922 года дивизион прибыл из западной части Китая через Пекин в Приморье, где вошел в состав белой Дальневосточной армии. Анненковцы приняли участие в боях под городом Спасском. Оставшиеся в живых семиреченские, оренбургские и сибирские белоказаки атамана Анненкова во второй раз попали в белую эмиграцию. И вновь оказались по ту сторону китайской границы.

Не все анненковцы ушли со своим атаманом в эмиграцию. Многие белые из Партизанской дивизии семиреченского атамана по разным причинам остались в России или вскоре вернулись на родину. Отказ от участия в вооруженной борьбе против новой власти не дал им гарантий личной свободы, защиты от репрессий.

В год суда над атаманом казаку его дивизии Павлу Васильеву, сыну учителя математики, было 17 лет. Он пишет «Песнь о гибели казачьего войска», поэмы «Соляной бунт» и «Христолюбовские отцы». Последняя поэма была написана им в рязанской тюрьме. Васильев не скрывал, что целью его жизни является создание «казачьей Илиады». Трижды арестованный, он был расстрелян в 1937 году.

Образ казачьего атамана Бориса Анненкова – один из самых противоречивых в истории Гражданской войны в Рос-

сии. Большую часть XIX столетия он неизменно рисовался только в черных красках с кровавым оттенком. Соратники и многие современники видели его иным.

Богаевский Африкан Петрович Атаман, отдавший Донское войско под единое знамя Белого дела

Происходил из старинной фамилии донского казачества. Родился в станице Каменской (ныне город Новошахтинск Ростовской области). В семье воспитывался в традициях верной службы «Богу, царю и Отечеству», любви к истории Дона. На военной службе в Донском казачьем войске числился с 1888 года, то есть с 16 лет. Проделал обычный путь становления для казачьего генерала.

В 18 лет окончил Донской (Новочеркасский) имени императора Александра III кадетский корпус. Через два года – в 1892 году – выпустился из престижного санкт-петербургского Николаевского кавалерийского училища. Свое образование Африкан Богаевский дополнил учебой в Николаевской академии Генерального штаба, стены которой офицер-ген-штабист покинул в 1900 году.

То есть по меркам той эпохи будущий войсковой атаман всевеликого войска Донского военное образование получил блестящее. Все три военно-учебных заведения заканчивались им по высшему разряду, что не могло не сказаться на успешном прохождении офицерской службы.

Начать служить же выпускнику академии Африкану Бога-

евскому довелось в элитном лейб-гвардии Атаманском полку (в 1900–1907 годах), в котором командовал сотней. Этот полк донской гвардии с его богатой биографией вместе с тоже донским лейб-гвардии Казачьим полком стоял в самом Санкт-Петербурге, входил в состав столичного гарнизона и нес караулы по охране Зимнего дворца.

Затем он назначается офицером для поручений в штаб 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Вскоре казачий офицер получает под свое командование эскадрон лейб-гвардии Драгунского полка, входившего в состав этой дивизии.

В феврале 1907 года А. П. Богаевский назначается старшим адъютантом штаба войск гвардии и столичного военного округа. Одновременно он преподает тактику в Николаевском кавалерийском училище, выпускником которого он стал 15 лет назад. Отзывы о его преподавании были самые лестные, но он стремился к строевой службе.

Военная карьера для офицера Генерального штаба складывалась более чем успешно. С января 1908 года А. П. Богаевский становится начальником штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Однако, служа в столичной гвардии, он не терял своих связей с родным Доном. К тому же казачьи офицеры гарнизона Санкт-Петербурга всегда отличались спаенностью и корпоративностью.

…С началом Первой мировой войны российская гвардия сразу оказалась на фронте. Вскоре начальник дивизионного штаба получает в самостоятельное командование 4-й гу-

сарский Мариупольский полк, один из старейших в Российской императорской армии. Полком армейской кавалерии полковник А. П. Богаевский командовал успешно.

В январе 1915 года он «возвращается» в казачью гвардию, будучи назначен командиром лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка. Полк состоял из четырех сотен. Первую сотню составляли уральцы, вторую – оренбуржцы, третью – сибиряки (полусотня), астраханцы и семиреченцы (по взводу), четвертую сотню – забайкальцы (полусотня), амурцы и уссурийцы (по взводу).

Следует заметить, что казачий офицер с блестящим для генштабиста-кавалериста послужным списком находился на виду у окружения императора Николая II Романова, ставшего в чине полковника Верховным главнокомандующим России. В сентябре 1915 года Богаевский зачисляется в Свиту императора, продолжая при этом воевать на фронте.

В октябре 1915 года Африкан Богаевский, получивший «на лейб-гвардии Сводно-Казачьем полку» в марте того года эполеты генерал-майора, назначается начальником штаба походного атамана всех казачьих войск великого князя Бориса Владимировича Романова. Теперь он служит в прифронтовом городе Могилеве, где находилась Ставка Верховного главнокомандующего России.

Первая мировая война сформировала Африкана Петровича Богаевского как военачальника. Об этом свидетельствовали его высокие боевые награды – ордена Святого Вла-

димира 2-й степени и Святой Анны 1-й степени, Георгиевское оружие (за отличия в должности начальника штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии). К 17-му году он имел личную известность в казачьих войсках.

…Наступил «знаковый» для старой России 1917 год. После Февральской революции началась массовая чистка русской армии от «явных» монархистов. Комиссары Временного правительства отправили в отставку сотни и сотни старших офицеров, многих авторитетных и заслуженных лиц из армейского генералитета. Многих «строгих» командиров изгоняли с фронта по требованиям солдатских комитетов. Воинская дисциплина и организованность в частях, прежде всего в тыловых гарнизонах, падала прямо на глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.